

Чу Ши, которого донимали его ласки, не выдержал и, перехватив руку человека, прильнувшего к нему, спросил:

— Ваше Высочество, разве вы не заняты?

Вэй Хэн, не переставая обтирать его тело, ответил:

— Верну тебя в покои, тогда и займусь своими делами.

Вэй Хэн внезапно отбросил свой напускной вид распутного правителя и с улыбкой посмотрел на того, кто был у него на руках:

— А-Сы, ты решил воспользоваться моей занятостью, чтобы сбежать?

Чу Ши вовсе не удивился, что тот раскрыл его замысел. Вэй Хэн — наследный принц великой державы, с малых лет скрывавший свою личность, пробивавший себе путь в армии через кровь и битвы, совершивший немало подвигов в столь юном возрасте.

Наставник говаривал: если когда-нибудь Поднебесная объединится, единственным, кто сможет бросить вызов Вэй Хэну, будет лишь наследник престола Вэй Чжаочжо.

Чу Ши часто одолевали невеселые мысли: зачем было рождаться им в одну эпоху, если они обречены на вечное противостояние? Властелин мира может быть лишь один, и в этой схватке победителю достается всё, а проигравший теряет жизнь.

Ирония судьбы: теперь он оказался здесь, день за днем глядя в лицо своему заклятому врагу в столь нелепом статусе.

Чу Ши посмотрел на него:

— А если я скажу да, вы разозлитесь?

Вэй Хэн холодно фыркнул:

— Разумеется. Я буду в ярости. Если ты посмеешь бросить меня, я выкраду тебя, а потом запру, продену железную цепь сквозь ключицы, прикую кандалами весом в сотню фунтов к ногам и буду ждать, когда ты начнешь молить меня о внимании.

Чу Ши молчал.

Вэй Хэн с недоумением посмотрел на него:

— Что? Хочешь сопротивляться? В тот момент тебя уже никто не спросит.

— Значит, вы действительно способны так со мной поступить.

Вэй Хэн вытер его насухо, усмехнулся и, подхватив на руки, понес в спальню:

— Разумеется. Я вовсе не из тех, кто легко поддается жалости.

— М-м!

Тень накрыла его, и Чу Ши, придя в себя, встретился с наглым взглядом Вэй Хэна. Его уши покраснели, а в глазах вспыхнул гнев:

— Вэй Чжаочжо!

Он хотел коснуться своих губ, которые саднило от поцелуя, но счел это слишком постыдным. Вместо этого он вцепился в одежду принца так сильно, что пальцы побелели, негодуя из-за его бесстыдства.

Будь они в Чу, за подобную дерзость он приказал бы высечь этого человека до полусмерти, чтобы хоть немного утолить свой гнев.

Но сейчас...

Чу Ши с силой отвел взгляд, его грудь тяжело вздымалась.

Увидев, что Вэй Хэн продолжает ухмыляться, Чу Ши в порыве ярости совершил неразумный поступок: ухватил его за прядь волос, спадавшую на грудь, и дернул вниз. Вэй Хэн судорожно вдохнул:

— Эй, эй! Маленький болезный, ты решил убить собственного мужа? С-с... полегче, полегче! Я же просил тише, чего ты так грубо?

Чу Ши разжал пальцы, глядя на вырванную прядь, а затем снова сжал кулак. Услышав мольбу, он наконец отпустил его. Гнев в груди немного поутих, и он тихо фыркнул.

Вэй Хэн посмотрел на него сверху вниз, в несколько шагов дошел до кровати, уложил его и, присев рядом, принялся ворчать:

— Посмотри на себя: тело слабое, а нрав — ого-го. Я же наследный принц, твой муж, в конце концов. Ты просто пользуешься тем, что я тебя балую.

Слушая это пренебрежительное ворчание, Чу Ши пристально посмотрел на него и искренне посоветовал:

— Ваше Высочество, отпустите меня, и вам больше не придется терпеть мои выходки. Вы мне не муж, я не давал на это согласия.

Вэй Хэн рассмеялся:

— А вот это уже невозможно. Раз уж ты оказался в моей постели, то стал моим человеком. Где это видано, чтобы я позволил тебе передумать?

К тому же, он еще не свел с ним счеты за то, что тот обманул слуг и ускользнул от охраны. Если бы не его слабое здоровье, из-за которого он упал в углу стены, и если бы стража не подоспела вовремя — человека бы уже не стало!

Вэй Хэн скрыл свои истинные чувства за беспечной улыбкой. Чу Ши понял, что разговор окончен, отвернулся и замолчал.

Вэй Хэн заглянул ему в лицо, упершись крепкими, жилистыми руками в бока:

— Почему опять молчишь? Обиделся? Что ты там еще задумал? Опять одеяло скинешь?

Его наложник оказался довольно инфантильным.

Чу Ши повернулся к нему:

— Я не обижался.

Что за вздор? Чу Ши исполнилось девятнадцать, и за все эти годы он едва ли хоть раз по-настоящему выходил из себя. С чего вдруг этот человек решил, что он так легко обижается?

Вэй Хэн вспомнил любовные романы, которые штудировал прошлой ночью. Там было сказано: когда мужчина говорит нет, это значит да, а когда говорит не надо — значит, хочет. Если человек искренне хочет что-то дать, он не будет спрашивать, а если хочет преподнести подарок, то не станет устраивать проверки.

Это называется властной любовью!

С тех пор как Чу Ши обмолвился, что его мастерство оставляет желать лучшего, Вэй Хэн почти всё время проводил за изучением соответствующей литературы, включая «Искусство супружеской спальни», «Как я стал наложником богача» и «О важности бесстыдства». Проработав всё до мельчайших деталей, Вэй Хэн почувствовал, что стал невероятно силен и теперь легко может контролировать все мысли Линь Сы.

Вэй Хэн посмотрел на него с видом человека, постигшего тайны мироздания:

— Я всё знаю. Ты человек холодный, нрав у тебя тяжелый, а душа узкая, но о здоровье-то надо заботиться, верно?

Чу Ши: «...»

Холодный? Тяжелый нрав? Узкая душа?!

Наследный принц Чу прожил девятнадцать лет и впервые слышал столь абсурдные характеристики. Ах да, еще и белолицый, лицемер. Он просто привык быть спокойным и сдержанным, как же это превратилось в такой искаженный образ?

В Чу Ши впервые проснулось желание поспороть. Он чуть приподнялся, одеяло соскользнуло, обнажив белоснежное нижнее белье. Он открыл рот, но его прервали.

Вэй Хэн произнес:

— Нефритовые кости, изящная талия, чья это кожа белее снега? А-Сы, ты поистине редкое сокровище. Ну вот, опять злишься, правда?

«Нефритовые кости, изящная талия, чья это кожа белее снега? Сладкий стон, распластанный на ложе, сводит мир с ума».

Эти стихи когда-то собственноручно вырезал на спине своей наложницы правитель Ся-Ю, и с тех пор их часто использовали в пошлых книжонках, за что многие ученые мужи справедливо презирали эти строки.

Чу Ши глубоко вздохнул и, схватив первое, что попало под руку, швырнул в него. Кто способен такое вынести? Использовать подобные похабные слова для описания наследного принца! Каким бы терпеливым он ни был, сейчас он больше не мог сдерживаться.

Вэй Хэн едва успел увернуться. Взглянув на своего наложника по-новому, он поспешил отступить, увидев, что тот собирается встать с кровати:

— Благородный муж не распускает руки! Не думай, что раз я тебя балую, то тебе всё дозволено!

Чашка разбилась. Вэй Хэн с невозмутимым видом вышел за дверь и бросил взгляд на стражников, стоявших на посту с каменными лицами. Он хотел было спросить, слышали ли они что-нибудь, но передумал — это значило бы лишь выдать себя.

Он просто гордо удалился.

Чу Ши, прижав руку к груди, тяжело дышал, а щеки его пылали.

Вэй! Чжао! Чжо!

Разъяренный Чу Ши привел себя в порядок, оделся и направился к выходу.

Стражники переглянулись:

— Останавливать будем?

— Да нет, пожалуй. Господин сейчас в ярости, а тот, кто довел Его Высочество до такого состояния, наверняка сам придет ночью воровать его обратно. Нам лучше не вмешиваться.

Чу Ши на мгновение замер, а затем продолжил путь.

Вэй Хэн вернулся в главный шатер, где его уже давно ждали генералы. Совещание затянулось до глубокой ночи, и лишь тогда военачальники поднялись, чтобы откланяться.

Чжоу Юйчэн, шедший последним, заметил, что принц не двигается с места:

— Ваше Высочество, у вас есть еще распоряжения?

Вэй Хэн махнул рукой, но, вдруг что-то вспомнив, уставился на Чжоу Юйчэна и твердо произнес:

— Ты болен.

Чжоу Юйчэн опешил:

— А? Я не болен.

Неужели принц решил рассказать шутку перед сном?

Вэй Хэн повторил с нажимом:

— Я сказал, ты болен!

Чжоу Юйчэн: «...»

Неужели Его Высочество сошел с ума? С чего бы ему быть больным? Он чувствует себя прекрасно, в следующем году собирается жениться.

Чжоу Юйчэн был в ярости, но вслух возразить не посмел, хотя его взгляд, в котором читалось «сам ты такой», говорил сам за себя.

Увидев, что тот промолчал, Вэй Хэн не стал больше его мучить:

— Запомни: ты болен. Если кто спросит, отвечай, что это сделал Чу Чжичжи.

Чжоу Юйчэн, уже готовый мысленно послать всё к чертям, вдруг замер. В голове отчетливо прозвучали четыре слова: «иметь законное основание». С древних времен для объединения мира требовался благовидный предлог, и для начала военного похода тоже нужна была справедливая причина.

<http://bllate.org/book/19788/1950012>